

www.nbpublish.com №10 (106), 2008

ПРАВО И ПОЛИТИКА

научный юридический журнал

nota bene

ПРАВО И ПОЛИТИКА № 10'2008

Свободная трибуна обмена мнениями
российских и зарубежных ученых по вопросам
политики, права и социальной психологии

LAW AND POLITICS 10'2008

The free tribune of exchange of views
of Russian and foreign scientists on politics,
law and social psychology

Учредитель

В. И. Даниленко

Издатель: ООО "НБ-Медиа"

Главный редактор

В. И. Даниленко

Ответственный редактор

К. Н. Лаптева

Заместитель главного редактора по инновационным проектам

И. З. Фархутдинов

Ответственный редактор, редактор отдела
финансового, банковского и налогового права

В. А. Дементьев

Редактор отдела социологии и философии права

Л. А. Кричевский

Редактор отдела истории государства и права
и теории права

Г. Г. Тартышный

Редактор отдела международного права

А. Н. Сутенина

Редактор отдела криминологии, уголовного права
и уголовного процесса

Г. А. Корепанов

Редактор отдела рецензий, критики
и библиографии "BIBLION"

В. А. Дементьев

Переводчик

К. Н. Лаптева

Корректор

Н. Ю. Тушнова

Оригинал-макет подготовил

Д. М. Замятин

Web-дизайн

Н. Н. Лаптева

Constitutor

V. I. Danilenko

Publisher: "NB-MEDIA" Ltd.

Chief editor

V. I. Danilenko

Executive editor

K. N. Lapteva

Deputy Editor-in-chief on innovation projects

I. Z. Farhutdinov

Executive editor, the head editor of Department
of the financial, bank and tax law

V. A. Dementiev

The head editor of the Department of sociology
and legal philosophy

L. A. Krichevsky

The head editor of the Department of history
of the state and theory of law

G. G. Tartyshny

The head editor of the International Law department

A. N. Sutenina

The head editor of the Department of criminology,
criminal law and criminal legal proceedings

G. A. Korepanov

The head editor of the Department of review,
critics and bibliography "BIBLION"

V. A. Dementiev

The translator

K. N. Lapteva

The proof-reader

N. Y. Tushnova

Artwork by

D. M. Zamyatin

Web-design

N. N. Lapteva

Журнал зарегистрирован в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ № 016421 от 25 июля 1997 г. Изд. лиц. № 065828 от 20.04.98 г.

Тел./факс: (495) 424-26-02. E-mail: nb-media@mail.ru; w.danilenko@gmail.com; http://www.nbpublish.com

Почтовый адрес редакции: 117465, Россия, Москва, а/я 10 для Даниленко В.И.

Объем 35,0 усл.-печ.л., формат 60x84¹/₈. Тираж 2450 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная. Сдано в набор 02.10.2008.

Подписано в печать 07.10.2008. Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии Липецкого издательства

398055, г. Липецк, ул. Московская, 83. Тел.: (0742) 25-40-48, 25-99-21.

Подписка на журнал возможна с любого месяца.

**Смотрите в Объединенном каталоге "ПРЕССА РОССИИ" (обложка зелёного цвета):
наш индекс – 41896 (полугодовая подписка и ежемесячная), 81914 (годовая подписка).**

**Любой журнал или статью можно заказать в магазине Книга-почтой
на сайте издательства www.nbpublish.com**

Все права защищены и охраняются Законом РФ об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим — без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом оно не всегда является мнением редакции журнала

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Ш. Ш. Какабадзе

Институты согласования интересов федерального государства и структур гражданского общества2430

А. В. Меркурьев

Информационные технологии использования социальных механизмов управления2438

Ш. Г. Сеидов

Развитие информационного общества: тенденции в геоинформационном аспекте2444

Л. А. Васильева

Ретрансляция процесса мифологизации и демифологизации политических акторов медийными каналами2450

КОНФЛИКТ:

ИНСТРУМЕНТЫ СТАБИЛИЗАЦИИ

Н. В. Тузов

Политическая культура Кавказа: от дисбаланса к стабильности2459

Аль-Арражи Мохаммед Хайтем Ахмед

Проблема защиты прав отдельных категорий лиц в период международных вооруженных конфликтов2463

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

В. А. Алексеев

К вопросу о системе государственной регистрации прав на недвижимость2471

О. Г. Ершов

Проблемы возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков работы при долевом строительстве жилья2478

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Е. А. Манько

Реальный сервитут: содержание, основания возникновения и прекращения2483

Е. И. Мироненко

К вопросу о соотношении юридической ответственности и социальной справедливости2488

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

О. В. Садина

Статус личной свободы несовершеннолетнего в законодательстве Российской Федерации2494

ЧЕЛОВЕК И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Р. А. Ханнанов, М. А. Лазаренко

Право сельскохозяйственного землепользования: проблемы становления и концепция развития2499

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В. В. Никулин

Советская концепция правосудия и практика отправления правосудия в 1920-е годы2506

В. В. Захаров

Инстанционная система общих гражданских судов в России первой половины XIX столетия2513

И. Ю. Ташбекова

Правовое положение женщины, занятой трудом в промышленной сфере в России в конце XIX века2524

А. А. Слезин

Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты2529

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

М. В. Глигич-Золотарева, Н. М. Добрынин

Учение Ивана Ильина о федерации2538

С. Л. Чижков

Охранительный либерализм Б.Н. Чичерина и проблема соотношения свободы, порядка и права2550

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. Л. Дубовик, А. Э. Жалинский

Новые подходы к проблемам коррупции2558

BIBLION

И. Я. Козаченко

Метаправовая методология гносеологии уголовного права2563

В. Ф. Ли

Воспоминания о будущем?2568

РЕЗЮМЕ2572

SUMMARY2578

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ2583

РЕТРАНСЛЯЦИЯ ПРОЦЕССА МИФОЛОГИЗАЦИИ И ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ МЕДИЙНЫМИ КАНАЛАМИ

Миф вождизма, сопровождаемый понятиями «харизматический лидер», «психознергетизм», посредством медийных каналов прочно входил и укоренялся в сознании масс. Одна из задач, которая была поставлена перед печатью, тиражировать образ аскетов, соответствующих христианскому модусу. Тоталитарная пропаганда в этом преуспела, печать подняла идеологическую научность до высот эффективности метода и абсурдности содержания. По верному замечанию Х. Арендт, «перед тем как вожди масс приходят к власти, их пропаганда, в целях подгонки реальности под свою ложь, отличается особым презрением к фактам как таковым. По их мнению, факт полностью находился во власти человека, способного сфабриковать его. Метод безошибочного предсказания, более чем какие-либо приемы тоталитарной пропаганды, выдает окончательную цель тоталитаризма — завоевание мира, так как только в мире, полностью им контролируемом, тоталитарный правитель сможет воплотить все свои лживые утверждения и сделать истинными все свои пророчества»¹.

Интерес к лидерству, попытка осмыслить это как важный социальный феномен политического процесса относятся к древности. Немецкий социолог, историк, экономист М. Вебер впервые применил термин «харизма» в определении подходов к феномену лидера в различные исторические эпохи и сформулировал его следующим образом: «Под «Пророком» в социологическом понятии мы будем понимать обладателя личной харизмы. От колдуна его отличает то, что он возвещает откровение определенного содержания, причем сущность его миссии составляет не магия, а учение или заповедь. И далее, без харизматической, а это обычно означает магической, основы пророк может завоевать авторитет лишь при исключительных обстоятельствах»². Он также выделил три типа лидерства: традиционное, харизматическое и бюрократическое. Исходя из классификации, рассмотрим харизматический тип лидерства.

Рассмотрение этого феномена было бы невозможным без обращения к немецкой классической философии. И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель косвенно затрагивали в своих работах тему личности в истории. Если лидерство

предполагает заключенные в личности, в социальном институте или символе благодать, исключительность или сверхъестественность, то согласно учению Г. Гегеля мир в целом и харизма в частности созданы Божественным Разумом, который реализовал себя в природе и истории человеческого общества³. Именно это представление о разумности мира подверг критике А. Шопенгауэр. Мировая Воля согласно его утверждению — это и есть то, что диктует всему стремление восторжествовать и превзойти себе подобных, все то, что может определять понятие «харизма», — проявление Мировой Воли. А. Шопенгауэр задает иррационалистическое направление в интерпретации феномена харизмы⁴. Понятие Воли как основы всего сущего у А. Шопенгауэра заимствует Ф. Ницше, который одним из первых ставит знак равенства между Богом и человеком. Его концепция лидерства сводилась к формированию высшего биологического типа — человека-лидера, сверхчеловека.⁵

Иррациональные тенденции вслед за Ф. Ницше продолжают и углубляют: З. Фрейд, работы которого приводят нас к выводу: харизматическая личность — творец иллюзий, играющий на иррациональном; Э. Фромм, последователь З. Фрейда на ранних этапах, придает власти два различных значения — власть может быть «рациональной» либо «иррациональной». Харизматический тип лидерства характеризует «иррациональную» власть; Ле Бон, анализирующий фактор гипноза, под воздействием которого находится однородная психологическая масса, ученый указывает на «зачаровывающее» влияние харизматического лидера, который не нуждается в логической проверке своей аргументации⁶.

Наиболее близко подошел к проблематике феноменов власти и харизмы Э. Канетти. Он приходит к выводу, что личность, способная к тоталитарному захвату власти, движима не принципами цивилизованного мира, она руководствуется первобытными инстинктами, — и именно в этой

³ См.: Гегель, Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 526 С.

⁴ См.: Шопенгауэр, А. Избранные произведения. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 540 С.

⁵ См.: Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. — Минск: Попурри, 1997. — 701 С.

⁶ См.: Фромм, Э. Бегство от свободы: человек для себя. — Минск: Попурри, 1998. — 447 С.; Фрейд З. Психология бессознательного. — М.: Просвещение, 1998. — 448 С.

¹ Арендт, Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 462.

² Вебер, М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 112, 113.

области стоит искать разгадку харизмы. Таким образом, лидеры, харизматические личности рассматривались как локомотивы истории.

Отождествление в общественном сознании индивида и его мифического прототипа очевидным образом зависит от соответствия публичных действий этого индивида своему прототипу. Такое соответствие, по мнению В. Полосина, может достигаться двумя путями: «1) непосредственно — в случае констатации обществом прямого положительного результата личных действий индивида по реализации нравственного идеала: победа, триумф, сбывшееся предсказание; 2) опосредованно — через ритуально-символическое вхождение индивида в соответствующий миф; в данном случае отсутствие личных заслуг компенсируется «*honoris causa*» — совокупностью всех исторически положительных результатов, сообщаемых индивиду через его личное участие в политическом ритуале, символика которого и является средством убеждения общественного сознания в необходимости отождествить индивида с его мифическим прототипом, констатировать обретение им качеств его прототипа и, соответственно, легитимизировать его во власти»⁷.

По нашему мнению, политическое лидерство основывается на определенных потребностях политических систем. К ним относится потребность в самоорганизации, упорядочении поведения отдельных элементов системы в целях обеспечения ее жизненной и функциональной способности. Такая упорядоченность осуществляется через вертикальное (управление — подчинение) и горизонтальное (коррелятивные одноуровневые связи) распределение функций и ролей, через выделение управленческих функций, которые требуют иерархической организации. Вершиной этой пирамиды должен выступать лидер, политический актер с особой харизмой.

При этом политическое лидерство характеризуют как формальное, так и неформальное. Феномен лидерства объясняется выдающимися, в том числе и харизматическими качествами человека. Но требования к политическому лидеру одни, к лидеру в бизнесе — абсолютно противоположные. Другая концепция — факторно-аналитическая предполагает индивидуальные качества лидера и стиль поведения, связанный с достижением определенных политических целей.

Природа политического лидерства достаточно сложна. По З. Фрейду, в основе лидерства лежит подавленное либидо — преимущественно бессознательное влечение сексуального характера, например, Гитлер. В процессе сублимации оно проявляется в стремлении к творчеству, к лидерству. На примере лидеров (В.И. Ленин, И.В. Сталин) обладание руководящими позициями выполняет субъективно-компенсаторские функции.

Согласно классической типологии М. Вебера лидеры подразделяют на традиционных (вожди племен, монархи); рационально-легальных (лидеры, избранные демократическим путем); харизматических (наделенных особыми качествами. Культ политических руководителей — составной элемент сакрализации власти. Он является воскрешением языческого идолопоклонства. Его обязательная атрибутика — памятники, мавзолеи, мемориальные комплексы. Идеиные истоки культа личности в тоталитарном государстве лежат в идеологии, претендующей на монопольное право обладания истиной.⁸ Тоталитарная наследственность, тоталитарный психологический синдром и абсолютный отказ от него во всех моделях социального поведения оказываются слишком большим испытанием как для отдельных индивидуумов, так и для элитных групп общества.

На протяжении десятилетий медийные каналы формировали облик политической системы и ее фигурантов, акторов политического режима. Главные из них приравнивались к лику солнца, светоча. Но, по К. Юнгу, солнце — «символ источника жизни и высшей деятельности человека». Он же раскрывает и дуализм образа солнца — сияющее явление, с одной стороны, с другой — черное, скрытое, имманентное — образ, противоположно окрашенный и этически — символ греха, затмения и искупления. Знак солнца — это и знак Центра духовного посвящения. Люди солнца — целомудренные, мудрые, верные, надежные друзья. Солнечная стихия — огонь. Стихия «огня» соответствует горящему, воспламеняющемуся, подчиняющему себе волю и желания окружающих. Солнце — символ Христа. В христианской символике эквивалентом солнца является знак святости — гало или нимб, излучающий духовный свет и энергию⁹.

Следя за происхождением мифов, их первоначальным значением необходимо иметь в виду их дальнейшую судьбу, в любом обществе они подвергаются тщательной обработке. Такая позиция представлена Л.Н. Афанасьевым: «С развитием народной жизни, когда в отдельных ветвях населения обнаруживается стремление сплотиться воедино, необходимо возникают государственные центры, которые вместе с тем делаются и сосредоточиями духовной жизни: сюда-то приносится все разнообразие мифических сказаний, выработанных в различных местностях; несходства их и противоречия бросаются в глаза, и рождается естественное желание примирить все замеченные несогласия. Так возникает канон, устрояющий царство бессмертных и определяющий узаконенную форму верований. Между богами устанавливается иерархический порядок: они делятся на высших и низших. Самое общество их организуется по

⁸ Вебер, М. Пророк. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 112–122.

⁹ Энциклопедия символов, знаков и эмблем. — М.: Локид: МИФ, 2000. — С. 463–465.

⁷ Полосин, В. Миф. Религия. Государство. — М.: «Ладомир», 1999. — С. 186.

образцу человеческого государственного союза, и во главе его становится верховный владыка с полной царственностью»¹⁰. Высшие и низшие боги, верховный владыка в тоталитарном обществе обладали всей полнотой власти. Они самоописывали себя самыми большими словами (великий, гениальный, титанический и др.).

Толчок к безудержной мифологизации образа вождя дало покушение на В.И. Ленина, только с сентября 1918 года по октябрь 1919-го были истреблены 1,3 млн. человек. В политическом процессе началась мощная системообразующая тенденция к унификации: к одному классическому, к одной партии, основанной на марксистско-ленинской теории. Абсолютно правильным в ней является лидер. Он, превращаясь в харизматического вождя, как бы проходит стадии судьбы мифического героя, а мифическая трансформация соответствует стадиям развития личности. Для политического лидера этих стадий оказывается больше, чем для обычного человека, и поэтому он приближается к мифическому Сверхчеловеку, которому дано быть сыном Неба и Земли, спасителем Отечества. Не случайно реальные исторические персонажи с течением времени начинают восприниматься как сказочные герои, а их судьба обрастает преданиями.

Мифологический сюжет может неявно возникать в политике из соответствия того или иного политического института его архетипическому прообразу. Тогда процесс рождения политического героя аналогичен рождению мифологического героя. О его будущем рождении свидетельствует Великая Мать (например, партия или национальная элита), в качестве исторического персонажа очевидным образом присутствует «небесный отец» (мудрец или властитель, благословляющий преемника на служении).

Условием легитимизации политического деятеля в качестве политического вождя («локального героя») или национального вождя является видимое обществом соответствие его личности мифическому прототипу. Для этого будущему вождю надо ритуально «умереть» в прошлой жизни и «воскреснуть» в своем мифическом образе героя-сверхчеловека («локального» или «всеобщего» характера). Для такого ряда превращений порой достаточно ритуала вступления в должность, которая сама по себе уже обожествлена и мифологизирована как священная (или, в случае «локального героя», имеет некий налет священности). И только разительное несоответствие этой должности способно разрушить иллюзию святости героя. Если же должность не носит священных характеристик, то героическая история может закончиться регрессией персоны, при условии, что политический герой не найдет в себе сил преобразить рутинный статус должности или отказаться от него.

Все компоненты мифа связываются в систему, понимается, не в момент выбора вождя по харизме и не в момент

назначения на престижную должность, а в апогее его славы. Но именно в этот момент миф отвердевает и становится прочным элементом общественного сознания. Собственно предназначение политического вождя состоит в том, чтобы такого рода элементы создавать, на это должна быть нацелена его магия — личная харизма (природный дар) и политический ритуал (профессиональная технология).

Недостающая харизма должна замещается убедительными для массы ритуальными действиями. Результатом становятся актуализация национальной мифологии, прояснение национальной идеологии, которая в лице политического героя обретает понятное для народа воплощение с помощью медийных каналов. Важным моментом политической магии является дуализм вождя, который, с одной стороны профессиональный участник политической конкуренции, а с другой — живой символ. Политический герой все время колеблется в своем поведении между текущими и рутинными управленческими задачами и задачами, которые диктуются его значением для масс. Обожествление политического героя превращает его в недоступное божество, которое всеильно до такой степени, что перестает влиять на реальные политические условия. Тогда политический капитал героя размывается его окружением, замещающим его земные функции, а сам герой становится Богом-Отцом для последователей, разыгрывающим, в конце концов, стандартную «семейную драму» с рождением нового героя-преемника и Сына.

История возникновения политического (или часто национального) героя вписывается в закономерности мономифа — универсального сюжетного построения. Именно отсюда возникают представления о «реинкарнации» героев прошлого в современных политиках, невольное копирование последними повадок и поступков великих государственных деятелей и т.п. В дальнейшем приобретенные мифические качества становятся способом воздействия политического героя на массы и свое ближайшее окружение. Вернувшись в мир людей, политический герой начинает новый мифический цикл, который будет зафиксирован только в конце пути, когда происшедшие события окончательно обретут свой мифический смысл. Тот, кто знает, как складывался миф политического героя, может расшифровать его мифологическое имя и экстраполировать сюжет в перспективу.

Роль В.И. Ленина, по мнению Николая Бердяева «есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Он потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии.

¹⁰ Афанасьев, А.Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982. С.25.

Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного мирозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков»¹¹.

Но это утверждение Н. Бердяева опровергается следующей фразой: «Ленин проповедовал жесткую политику, но лично он не был жестоким человеком. Он не любил, когда ему жаловались на жестокости ЧК, говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно»¹². Так зарождался миф о сверхчеловеке, мыслителе, «земном боге» — Ленине. Не случайно А. Цуладзе пишет: «Стержнем магического восприятия власти и ее верховного политеса является убеждение подданных, что все в стране зависит от первого лица государства. Дальше простая логика подсказывает, что все проблемы страны может решить только сверхчеловек, наделенный неограниченной властью»¹³.

Прижизненная и посмертная мифологизация личности В.И. Ленина — феноменальное явление. Эта фигура на протяжении более века остается в восприятии общества настолько великой, что интерес к нему не ослабевает и поныне. Обстоятельства сделали Ленина главой изолированного государства. Защищая его, В.И. Ленин использовал патриотические чувства русских людей. Но это не соответствовало его теоретическим взглядам, а скорее противоречило им. Он всегда оставался интернационалистом, считал российскую революцию только прологом мировой революции. Победа социалистических порядков в России согласно его представлениям 1917 — 1919 годов могла быть обеспечена только после свершения мировой революции. Через все его речи проходила уверенность в том, что час мировой революции близок.

По мнению Г. Вернадского, «уникальное качество Ленина как политического лидера нашего времени состояло в том, что в нем сочеталась приверженность абстрактной теоретической программе с редким умением приспособить свою тактику к требованиям жизни. Сочетание казалось в высшей степени необычным: в одном человеке соединились фанатик и оппортунист.

Подобная мифологизация и демифологизация подтверждают, что со времен Российской империи символы царствующих особ поднимались до состояния божествен-

ного (божий помазанник), и делалось это сознательно. В политическом процессе тоталитарного типа сакрализация и мифологизация лидеров шли латентно, на фоне демократических лозунгов. Г. Почепцов рассматривает эту ситуацию следующим образом. Повторяя христианскую догматику, Ленин существовал в трех лицах. Он функционировал как ребенок, и до сегодняшнего дня этот его облик возникает в памяти любого. Ленин-ребенок существовал исключительно в детском контексте. Он был на октябрьском значке, в учебнике, в детской книге (На октябрьский праздник // Дедушка-сосед // Подарил мне в рамке // Ленина портрет // Я портретом этим // Очень дорожу // И всегда с любовью // На него гляжу).

Второй ипостасью вождя был В.И. Ленин как революционер в противовес представителям царской России: это была опять-таки мифологическая структура, которая завершалась временем революции.

Третий В.И. Ленин был водителем первого в мире социалистического государства. В каждой из этих трех точек были человеческие и социальные черты. Интересно, что все эти три модуса существования носили во многом автономный характер. Конечно, некоторые черты шли на повтор, особенно если сравнивать Ленин-2 и Ленин-3. И в структуре Ленин-1 в первую очередь выпячивались его взрослые черты. Но контексты восприятия этих ипостасей не пересекались. Ленин-1 был прерогативой школы, Ленин-2 — вуза, Ленин-3 — официоза¹⁴. Эти функциональные ниши вплотную были заполнены образами вождя.

Мифологизация образов и донесение их до масс шли по христианским канонам, в визуальном и вербальном пространстве обязательно присутствовала мифологема Солнца («ленинская / сталинская правда светлее солнца»). Стандартные изображения В.И. Ленина и И.В. Сталина с детьми повторяли модель Мадонны с младенцем; В.И. Ленин и И.В. Сталин с соратниками — Христос среди апостолов; В.И. Ленин и И.В. Сталин среди рабочих — Христос среди людей.

Аскетичность модели образа также соответствовала христианскому модусу, а символ руки доказывал известное выражение «Взять власть в свои руки». Рука насчитывает более 2 тысяч символических жестов, она — самый умный орган, говорящий символическим языком: «Рука Москвы» — тайные пути власти». С точки зрения властного выражения интересен жест диктатора: Иосиф Сталин часто встречается на фотографиях с выставленным пальцем. Иногда размер пальца отца народов не устраивал, и его удлиняла винтовка. Это пренебрежительный жест Юпитера»¹⁵.

Пятидесятилетие другого лидера, И.В. Сталина знаменовало начало эпохи культа его личности. После

¹¹ Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — С. 95.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Цуладзе, А. Политическая мифология. — М.: ЭКСМО «Алгоритм», 2003. — С. 125.

¹⁴ Почепцов, Г. Тоталитарный человек. — Киев: Глобус, 1994. — С.24–25.

¹⁵ Энциклопедия символов, знаков и эмблем. — М.: Локд: МИФ, 2000. — С. 427-428.

сокрушительного разгрома оппозиции, он и его соратники получили небывалую свободу политического маневра, вследствие чего возникли предпосылки для культа. Его прообразом стал образ В.И. Ленина, уже превратившийся в неотъемлемый институт общественной жизни в стране. «Обожествление, — как говорил М. Джилас, — или, как теперь говорится, «культ личности Сталина», создавал не только он сам, а в такой же, если не в большей степени — сталинское окружение и бюрократия, которым такой вождь был необходим. Гитлер сам же открыто заявил: «Всем, чего вы достигли, вы обязаны мне. Всем, чего я достиг, я обязан только вам».¹⁶ Одним из политических мотивов этого было желание И.В. Сталина и его окружения укрепить свою власть в период, когда в стране начинали набирать темпы индустриализация и коллективизация. Нельзя также сбрасывать со счетов и политические мотивы отдельных деятелей из сталинского окружения, которые, желая подняться вверх по лестнице политической карьеры, поддерживали эту тенденцию, которая, как они знали, будет одобрена их лидером. Это явление рассматривает исследователь А. Цуладзе на примере инициативного имени Сталин: «Миф получает в свое распоряжение смысл, т.е. реальную историческую личность, носившую кличку Сталин. У этой личности была биография, личностные особенности, желания и т.д. Но миф берет только форму, отменяя лишние детали. Он берет имя «Сталин», очищает его от реальной биографии, превращает в заклинание. Далее эта форма наполняется понятием. В данном случае имя «Сталин» олицетворяло понятие единства и дисциплины. На выходе мы получаем значение, т.е. сакрализованного Сталина, земного Бога, гениального вождя и учителя. Эта схема позволяет понять, почему Сталин фальсифицировал собственную биографию. Потому, что был опытным мифологом и прекрасно понимал разницу между мифологизированным образом и реальным человеком. Поэтому биография превращалась в легенду. В ней оставалось только то, что соответствовало понятию, сообщенному имени Сталин. Все остальное отменялось».¹⁷

Основополагающий тезис всей мифологии культа вождя афористично сформулировал А. Барбюс: «Сталин — это Ленин сегодня». Р. Барт, выделяя «левый» и «правый миф, мифологизирование личности Сталина рассматривает как пример «левого» мифа: «Долгие годы Сталин как словесный объект представлял в чистом виде все основные черты мифического слова. В нем был смысл, то есть реальный исторический Сталин, и означающее, то есть ритуальное прославление Сталина, фатальная природа тех элементов, которыми окружалось имя и означаемое, то есть интенция к ортодоксии, дисциплине и единству, адресно направленная коммунистической партией на определенную ситуацию.

Наконец, значение, то есть Сталин сакрализованный, чьи исторически определяемые черты переосмыслены в природном духе, сублимированы под именем гениальности, чего-то иррационально-невыразимого. Деполитизация здесь очевидна и вполне ясно говорит о присутствии мифа».¹⁸ Но как считает Р. Такер, «прежде, чем доказать свое революционное величие, возглавив движение к новым победам всемирно-исторического значения, ему нужно было стать призванным лидером этого движения. Именно к этой цели, а не к власти как таковой, он стремился в 20-е годы. Его претензии на роль преемника еще при жизни Ленина стали одной из причин конфликта с ним. Чтобы занять высшую ступеньку пьедестала, Сталин был готов в случае необходимости сразиться с самим Лениным. Если Ленин не считал, что его преемником должен по праву стать Сталин, то, по мнению Сталина, лишь потому, что Ленин был болен и уже не являлся тем Лениным, каким его знали прежде.

С одной стороны, Сталин своей цели достиг, но, с другой стороны, абсолютного успеха не добился. Это противоречие будет тяготеть над ним в течение всей его долгой жизни и приведет к далеко идущим и порою трагическим последствиям для коммунистического движения, для России и для всего мира»¹⁹. Харизматическая власть вождя противопоставлялась традиционной, рационально-правовой и определялась как особая революционная сила и тесно связывалась с социальным движением, возникающим вне существующего государственного порядка и всегда каким-то образом на него направленным. Подобные движения притягивают лиц, которые испытывают острый дистресс в той или иной форме. Человек, выступающий с проповедью необходимости радикальных перемен, является потенциальным харизматическим лидером. Именно таким он предстал в тоталитарной прессе.

30-е годы — пик мифологизации образа И.В. Сталина. Харизма И.В. Сталина представляла собой динамическое сочетание из полярно противоположных и в то же время взаимосвязанных сфер, синтез мифологического и сознательного. Он ассоциировался в сознании масс с определенным мифологическим героем, а психоэнергетизм «дьявольских» личностей вызывает психическое заражение

Благодаря СМИ образ вождя был органично вписан в сознание миллионов. Евгений Громов по этому поводу писал: «Стоит сказать, что Иосифу Джугашвили было в некоторых отношениях легче обрести этот имидж, чем другим членам ленинского Политбюро. Лев Троцкий, обладавший, как и его главный соперник, незаурядными актерскими способностями, умел перевоплощаться в различные образы, что и доказал в Гражданскую войну. Популярность его была немалой. И все же он оставался зачастую чужим,

¹⁶ Джилас, М. Лицо тоталитаризма. — М.: Новости, 1992. — С.42.

¹⁷ Цуладзе, А. Политическая мифология. — М.: ЭКСМО «Алгоритм», 2003. — С. 31.

¹⁸ Барт, Р. Мифологии. — М.: изд-во Сабашникова, 1996. — С. 174.

¹⁹ См. Такер, Р. Сталин: путь к власти. 1879–1929. — М.: Прогресс, 1991. — С. 441.

далеким для “среднего” красноармейца и командира. Чисто внешняя деталь: Троцкий любил носить кожаную (“комиссарскую”) тужурку и армейские, сапоги. Может быть, они и шли к нему, но нередко он казался несколько ряженым — интеллигентом, принявшим несвойственный ему облик. Сталин воспринимался, словно родившимся в таких сапогах. Полувоенный френч, фуражка являлись его органичными атрибутами. Даже недостатки, Генерального секретаря, о которых в своем политическом завещании писал Ленин и в которых Сталин публично признавался, работали, в конечном счете, на его имидж. Груб? Резок? Что тут особенного? Честный человек, болеющий душой о деле, о народе, бывает резким»²⁰.

Природа наделила И.В. Сталина качествами, которыми обделила других советских руководителей, — решительностью и бесконечной жестокостью. Он развивал то, что было заложено при Ленине, — и расстрелы без суда, и лагеря, и ограбление людей. «Подобно иностранному завоевателю, — по мнению Х. Арндт, — тоталитарный диктатор рассматривает природные и промышленные богатства каждой страны, включая собственную, как возможную добычу и средство подготовки следующего шага агрессивной экспансии. Поскольку экономика, предполагающая систематический грабеж, поддерживается в интересах движения, а не нации, то ни один народ и ни одна страна в качестве потенциального потребителя выгод не может установить точку полного насыщения. Тоталитарный диктатор похож на иностранного завоевателя, пришедшего ниоткуда, и его грабеж, похоже, никому не приносит пользы. Распределение добычи не производится с целью усилить экономику родной страны, но рассматривается только как временный тактический маневр. Если говорить об экономике, то тоталитарные режимы в своих странах очень напоминают пресловутую саранчу. Факт, что тоталитарный диктатор правит собственной страной как иностранный завоеватель, усугубляется тем, что добавляет к безжалостности эффективность, недостаток коей является яркой отличительной чертой тирании в чужих странах. Сталинская война против Украины в 30-е годы была в два раза более эффективной, чем страшное и кровавое германское вторжение и оккупация. Вот почему тоталитаризм предпочитает руководить действиями предательских правительств, несмотря на очевидные опасности, связанные с подобными режимами»²¹.

Еще более категоричен в оценке деяний вождя маршал А.М. Василевский: «Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом году»²².

При активном участии прессы была сформирована

модель «Сталин — рулевой, вождь и учитель», которая в настоящее время демифологизируется и интерпретируется как: «Сталин — палач, тиран, выродец». Обе модели хороши «в качестве идеологического жупела и, разумеется, имеют под собой весомые и кровавые основания. Но не покрывают собой всех реальностей того исторического периода. И уж никак не объясняют, почему кровь рекой лилась по России и до прихода Сталина к власти, а методы его руководства строительством Беломорканала продержались, слегка видоизменяясь, вплоть до строительства БАМа»²³. Аутоэротизм владыки имел стойкую психофизиологическую основу (физические недостатки, оспина, сухорукость), компенсировался славословием в его честь. Перед печатными СМИ была поставлена задача — тиражировать образ аскета, соответствовавшего христианскому модусу.

Миф вождизма, сопровождаемый понятиями «харизматический лидер», «психознергетизм», прочно входил и укоренялся в сознании масс. Слепая вера лишала возможности смотреть на вещи практически. Тоталитаризация общественной политической системы предполагала такой тип руководства страны.

По нашему мнению, для достижения личностью, государством, политическим движением статуса харизмы необходима была пропаганда с целью распространения в массах идеологии представляемых сил. Харизма ввиду своих особенностей обращается главным образом к иррациональным факторам воздействия, что способствует формированию мифологического сознания. Особую систему убеждений, точнее — иллюзий, можно считать идеологией харизмы. А харизматическая пропаганда — это распространение в СМИ системы образов по созданию мифологического единства идеологии с реальной жизнью.

Бесспорно, пресса тоталитарной системы сформировала миф, символ вождя и на протяжении целой эпохи от его превознесения до падения. Но вождь был талантливым актером и режиссером своих ролей. Многолетний опыт массовых движений показывает, что верить в кого-либо, во что-либо проще, не надо думать: «Сталин поднимался до высот шекспировского театра. Его главное «достижение» — собственный автопортрет, созданный, вылепленный им — при соавторстве СМИ образ «отца всех народов», «корифея всех наук»... Создать такой образ, поощрять и поддерживать свой культ — задача далеко не элементарная. Сталин решил ее блестяще. Он тонко чувствовал ситуацию, понимал психологию людей, разбирался в страстях и слабостях человеческих»²⁴.

Исследователь И. Клямкин приводит аргументы, доказывающие фатальную неизбежность культа личности. Это: незрелость экономических, социальных и политических

²⁰ Громов Е. Сталин. Власть и искусство. — М.: Республика, 1998. — С. 173.

²¹ Арндт, Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком. 1996. — С. 542–543.

²² Комсомольская правда. — 2003 — 18 дек.

²³ Мамонтов, В. Необходимый комментарий // Комсомольская правда — 2002 — 17 октября..

²⁴ Бовин, А. Вождь и массы. // Страницы истории КПСС. — М.: Высшая школа, 1988. — С. 535–536.

условий России, громадное преобладание мелкобуржуазного и добуржуазного крестьянства объективно требовало жесткой узды, административно-командной системы, которая при Сталине была представлена режимом его личной и неограниченной власти и контролем над СМИ. Автор статьи не является сторонником этой системы, не стремится оправдать ее, но вывод его таков: «...душа все мучается и мучается безответным вопросом: а может быть, все же могло быть иначе? Трезвый рассудок неумолим: нет, не могло. Но как хочется, чтобы он ошибся»²⁵. Он точно нащупал и выразил опасность тотализации политической системы. Об этом Вождь говорил в декабре 1923 года, выступая на расширенном собрании Краснопресненского райкома партии с групповыми организаторами, членами партбюро ячеек и членами дискуссионного клуба: «В 1917 году, когда мы шли в гору, к Октябрю, мы представляли дело так, что это будет ассоциация трудящихся, что с бюрократизмом в учреждениях покончим и что государство, если не в ближайший период, то через два-три продолжительных периода, удастся превратить в ассоциацию трудящихся. Практика, однако, показала, что это есть идеал, до которого нам еще далеко, что для того, чтобы избавить государство от элементов бюрократизма, для того, чтобы превратить советское общество в ассоциацию трудящихся, необходима высокая культура населения, нужна совершенно обеспеченная мирная обстановка кругом для того, чтобы не было необходимости в наличии больших кадров войск, требующих больших средств и громоздких ведомств, своим существованием накладывающих отпечаток на все другие государственные учреждения. Наш государственный аппарат в значительной мере бюрократичен, и он долго еще останется таким. В этом аппарате работают наши партийные товарищи, и тут обстановка, — атмосфера, я бы сказал, — этого бюрократического аппарата такова, что она облегчает дело бюрократизации наших партийных работников, наших партийных организаций»²⁶.

Таким образом, Сталин публично признавал наличие в республике советов казарменного социализма, дополненно-го неуправляемым бюрократическим аппаратом. Но вся его речь строится на фоне иррациональных фактов («с бюрократизмом в учреждениях покончим», «государство, если не в ближайший период, то через два-три продолжительных периода, удастся превратить в ассоциацию трудящихся»), используются похожие риторические фигуры, в которые составляются те или иные формы мифического означившего. В данном случае, для иммунизации коллективного воображения в речь вводится доза открыто признаваемого зла: это помогает предохранить его от опасности более глубокого прорыва уже сформировавшихся устоев (по классификации Р. Барта — «прививка»).

Методы и приемы пропаганды, обусловленные личностью И.В. Сталина, сводились к следующему: обусловленность качествами харизматической личности, распространения в массах системы иллюзий, создаваемых единством идеологии и реальности. Закономерно, что раздувалась «троцкистская опасность», так как дискредитировать своего политического противника Сталину было нужно и для фальсификации истории Октябрьской революции и гражданской войны.

Когда у И.В. Сталина и его команды не оставалось никаких аргументов — «оружия критики» (по Марксу), они и прибегали к «критике оружием», сочиняя через органы НКВД про «оппозиции» и «террористические центры», коим сочувствуют бесчисленные «враги народа». Единственное, что подобным мифам могло придать характер действительности, — это был тотальный социальный страх перед «посадкой» или тем более уничтожением. Без принесения жертвы не обходился ни один ритуал. 30 сентября 1928 г. в «Правде» появилась статья Н.И. Бухарина «Заметки экономиста». Главная цель статьи — показать, насколько догматичен Сталин в трактовке идей социалистического строительства. Бухарин выступал против волюнтаризма, пренебрежения к науке, анализу объективных трудностей и субъективных просчетов. Он практически опровергал предложенный Сталиным в 1928 г. путь преобразования экономики на основе политики «дани». На основании этого Н.И. Бухарин делал вывод о том, что Сталин думает о сохранении не социализма, а своей собственной власти. Наоборот, его клике надобно убирать тех, кто думает об этой самой экономике и подлинной диктатуре пролетариата (а не бюрократа).

Политическая система опиралась на систему координат: «герой — антигерой», и это оправдывалось с точки зрения потребителя информации, поскольку, по мнению Г. Почепцова, «ему необходимо зрелищное событие, отличное от его серых будней. Но не всякая неординарная ситуация представляет интерес с точки зрения государства, на нее необходимо наложить еще государственную ценность»²⁷. Вчерашние герои становились героями показательных судов, карательные меры были жестки и категоричны.

Борьба Сталина за единоначальное лидерство в партии, государстве, утверждение административно-командной системы, сращивания партийного и хозяйственного аппарата становились питательной почвой для их неприятия, для молодежного нигилизма, ухода от идеологических догматов. Именно в этот период возникают теории Л. Шацкого и Я. Стецкого «юношеского авангардизма», «перевоспитания молодого кулака в комсомоле», теория «делячества» и др. Теория «делячества» несла с собой идею чисто «практических дел», провозглашавшую: «Не думай, а дело делай», популяризовавшую лозунг: «Люблю спе-

²⁵ Клямкин, И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир — 1987 — №1.

²⁶ Сталин, И.В. О задачах партии. Соч. Т. 5. М.: 1951. С. 360-361.

²⁷ Почепцов, Г. Тоталитарный человек. — Киев: Глобус, 1994. — С. 82.

циальность — зачем мне социализм»²⁸. Статьи этих авторов публиковались на страницах «Комсомольской правды» и расценивались вождем как политическая ошибка. На наш взгляд, в этом молодежном неприятии и своем видении проблемы, верх брали эмоции, юношеский максимализм, психологическая нестабильность. В такой постановке вопроса была своя правда, благосостояние каждого гражданина осуществляется путем каких-то накоплений. Но подобная позиция шла вразрез с общепринятыми догмами. «Комсомолка», по мнению вождя, не только имела тенденции к примирению с левым уклоном, но неправильно понимала правый уклон, а это затрудняло борьбу с уклонами от ленинской линии. Таким образом, она посягала на святое, на мифологема Звезды: «Учение Ленина—Сталина бессмертно!» Сталин и ЦК ВКП(б) занялись усилением партруководства комсомолом.

Процесс символизации и мифологизации политических фигур тоталитарной системы посредством печатных СМИ проникал во все сферы жизни общества, на фоне мифа «герой — антигерой» еще более возвышалась фигура Вождя. Вся пресса была повернута только в его сторону и превратилась в дорогу с однонаправленным и односторонним движением (ежедневные фото, статьи, репортажи). Изменение порядка шло от вербального плана, визуальное пространство также организовывалось в виде улиц, площадей, памятников имени Вождей, а затем других политических фигур. Когда Сталин решил переписать историю русской революции, то «пропаганда его версии включала в себя вместе с уничтожением ранних книг и документов также уничтожение их авторов и читателей, считает Х. Арндт. Публикация в 1938 году новой официальной истории Коммунистической партии была сигналом к окончанию свержения, уничтоживших целое поколение советских интеллектуалов»²⁹. «Отец народов» признавал только жесткие принципы управления, «он был агрессивен по отношению к своим «детям», народам; он мог их перемещать целиком, рассматривая как единые живые существа. Мифологическое и символическое пространство было выгодно системе. Общество же в целом описывалось «как пирамида, базой которой является народ, а вершиной — вождь»³⁰.

Единомыслие, основной закон тоталитарного государства, не должно было нарушаться инакомыслием, тогда в действие вступает диффамация, распространение через СМИ порочащих сведений, выбрасывается компромат. Журналистские тоталитарные тексты представляли собой жесткую структуру координат, выстроенных вождем (вра-

ги, уклонисты, троцкисты): «Борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии. Если мы в своей собственной среде, в своей собственной партии, в политическом штабе пролетариата, который руководит движением и который ведет вперед пролетариат, если мы в этом самом штабе допустим свободное существование и свободное функционирование правых уклонистов, пытающихся демобилизовать партию, разложить рабочий класс, приспособить нашу политику к вкусам советской буржуазии и спастись таким образом перед трудностями нашего социалистического строительства, — если мы все это допустили, то, что это будет означать? Не будет ли это означать, что мы готовы спустить на тормозах революцию»³¹.

Под контролем вождя находились армия, безопасность страны. Общая тональность данной тематики на страницах СМИ: «Красная Армия — всех сильнее!», «Наш бронепоезд стоит на запасном пути!» и т.д. Миф о силе и непобедимости поддерживался систематической борьбой с врагами. Газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Беднота» были заполнены статьями, отчетами о судебных процессах над красными командирами Тухачевским, Блюхером, Егоровым, Уборевичем и др. **Наряду с бурным процессом мифологизации шел обратный — демифологизации.**

30-е годы — триумф печатных СМИ в прославлении воли, величия вождя. Эта же тенденция прослеживалась и в последующие годы, харизматические качества вождя стали стержнем, вокруг которого медийные каналы строили свою пропаганду. В периоды разворачивания и внедрения в сознание масс новых символов и мифов со стороны административно-командной системы усиливалось руководство СМИ, обеспечивалось целенаправленное, концентрированное их воздействие. Задача усложнялась тем, что в памяти сограждан, считает А. Ципко, оставался миф вождя: «... в разные моменты в этом человеке больше проявлялось то одно, то другое. Скажем, когда началась Великая Отечественная, Сталин полностью отказался от коммунистической парадигмы, занял национально-патриотическую позицию, заговорил о великом русском народе и его выдающихся полководцах Суворове, Кутузове, Нахимове, Ушакове. И взывал И.В. Сталин к сердцам и умам не граждан или товарищей, а братьев и сестер. Вскоре после победы над Гитлером под лозунгом борьбы с безродным космополитизмом на знамя поднимается откровенный антисемитизм. В последние годы жизни национально-историческая доминанта в речах и поступках заметно ослабевает. Словом, личность крайне противоречивая, загадок по-прежнему уйма»³².

²⁸ Овсепян, Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. — М.: «РИП-холдинг», 2001. — С. 122.

²⁹ Арндт, Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком. 1996. С. 452.

³⁰ Гюнтер, Х. Государство как «тоталитарное» произведение искусства. // *Общественные науки и современность* — 1992 — №4. — С. 90.

³¹ Сталин, И.В. Вопросы партийного руководства. Соч. Т. 12. — М.: 1951. — С. 105.

³² Ципко, А. Путину есть чему поучиться у Сталина. // *Комсомольская правда* — 2002 — 20 апреля.

Задача мифа — преобразовать историческую интенцию, устремленность воли, чувств, в природу, а затем в вечность — была выполнена. Миф получил историческую реальность, «в конечном счете, определяемую тем, как сами люди ее создавали либо использовали; миф же отражает эту реальность в виде природного образа. И точно так же,

как для буржуазной идеологии характерно устранение имени «буржуа», так же имя возникает из убывания историчности в вещах; вещи в нем утрачивают память о том, как они были сделаны»³³. В небытие уходили биографии, романы, стихи, песни, пословицы, поговорки, пресса, радио и телевидение 60–80-х годов были переполнены

разоблачительными материалами, письмами. Вот характерная врезка одной из таких публикаций: «Редакционная почта сегодня полна не только рассуждениями читателей о сталинизме, но и рассказами о конкретных исторических судьбах. Вот мы и решили устроить вот такой «разговор» народа с вождем. Признаемся, мы были пристрастны в подборе писем и исключили панегирики в адрес Сталина. Поклонникам его политического гения скажем так: вашу точку зрения разделяют еще немало людей. Но набор аргументов защитников сталинизма, как правило, один и тот же. В то время как за каждым, кто нравственно осуждает это явление, стоят конкретные судьбы, загубленные жизни, реальные факты»³⁴

³³ Барт, Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.— С.269.

³⁴ Борисов, Ю. Скромное обаяние Генералиссимуса. // Советская культура — 1989 — 8 июля.